

Шкель Станислав Николаевич

ТИПОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: СИНТЕЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО И НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОДХОДОВ

В данной статье предлагается типология политических режимов, разработанная на основе синтеза электорального подхода, заложенного в трудах Р. Даля, и неопатримониального концепта, берущего свои истоки с классических положений М. Вебера и Ш. Эйзенштадта. Утверждается, что измерение двух параметров: уровня конкуренции элит и степени влияния неформальных практик в политическом процессе, является наиболее релевантной оценкой режимных форм постсоветских государств бывшего СССР. Данный тезис основывается на учете той роли, которую продолжают играть в постсоветских странах неформальные институты. Включение их в поле анализа позволяет более точно и рельефно зафиксировать специфические режимные типы рассматриваемых случаев. Для предложенных критериев оценки режимов разработан метод операционализации с использованием данных электоральной статистики и индексов уровня коррупции. В качестве демонстрации практического применения разработанной типологии представлен анализ режимной динамики постсоветского Азербайджана.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 210-217. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).** Ф. 62. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1755 г.
2. **АВПРИ.** Ф. 113. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1755 г.
3. **АВПРИ.** Ф. 113. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1757 г.
4. **АВПРИ.** Ф. 113. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1760 г.
5. **АВПРИ.** Ф. 113. Зюнгорские дела. Оп. 113/1. 1762 г.
6. **Бантыш-Каменский Н. Н.** Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского университета, 1882. 565 с.
7. **Государственный архив Алтайского края (ГААК).** Ф. Р-1788. Личный фонд В. А. Моисеева. Оп. 1.
8. **Государственный архив Омской области (ГАОО).** Ф. 366. Личный фонд Г. Е. Катанаева. Оп. 1.
9. **Гуревич Б. П., Моисеев В. А.** Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII-XVIII вв. и китайская историография // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 43-55.
10. **Крафт И. И.** Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-литография П. Н. Жарикова, 1898. 867 с.
11. **Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв.:** документы и материалы. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. Кн. 2 / ред. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. 340 с.
12. **Моисеев В. А.** Прием южных алтайцев в российское подданство и вопрос об их расселении (1755-1757 гг.) // Горный Алтай и Россия. 240 лет: тезисы к научно-практической конференции «240 лет добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и современность». Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1996. С. 72-75.
13. **Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.):** документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрин, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
14. **Русско-китайские отношения. 1689-1916 гг.:** официальные документы / сост. В. С. Мясников. М.: Восточная литература, 1958. 139 с.

**PROBLEM OF REFUGEES FROM DZUNGARIA IN THE RUSSIAN-CHINESE RELATIONS
(THE END OF THE 50S – THE BEGINNING OF THE 60S OF THE XVIII CENTURY)**

Shishkina Inna Aleksandrovna, Ph. D. in History
Barnaul Branch of the Financial University under the Russian Federation Government
inna2183@yandex.ru

At the end of the 50s – beginning of the 60s of the XVIII century one of the key issues in the relations of Russia and China was the problem of the citizenship of the population of Dzungaria defeated by the Qing army in 1755-1758. The article examines the attitude of the Russian government to the problem of refugees from Dzungaria, analyzes the decrees of the Collegium of Foreign Affairs granting the Russian citizenship to the nomads, describes the viewpoint of the Chinese Tribunal on Dzungaria problem.

Key words and phrases: the Russian Empire; the Qing Empire; Dzungaria; the Russian-Chinese relations; Collegium of Foreign Affairs; the Chinese Tribunal; Dzungar people; Altay people.

УДК 329

Политология

В данной статье предлагается типология политических режимов, разработанная на основе синтеза электорального подхода, заложенного в трудах Р. Даля, и неопатримониального концепта, берущего свои истоки с классических положений М. Вебера и Ш. Эйзенштадта. Утверждается, что измерение двух параметров: уровня конкуренции элит и степени влияния неформальных практик в политическом процессе, является наиболее релевантной оценкой режимных форм постсоветских государств бывшего СССР. Данный тезис основывается на учете той роли, которую продолжают играть в постсоветских странах неформальные институты. Включение их в поле анализа позволяет более точно и рельефно зафиксировать специфические режимные типы рассматриваемых случаев. Для предложенных критериев оценки режимов разработан метод операционализации с использованием данных электоральной статистики и индексов уровня коррупции. В качестве демонстрации практического применения разработанной типологии представлен анализ режимной динамики постсоветского Азербайджана.

Ключевые слова и фразы: политический режим; типология; демократия; авторитарный режим; неопатримониализм; электоральный процесс; политическая коррупция.

Шкель Станислав Николаевич, к. полит. н., доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет
stas-polit@yandex.ru

**ТИПОЛОГИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ:
СИНТЕЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО И НЕОПАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОДХОДОВ[®]**

В политической науке существует много различных типологий и классификационных схем политических режимов. Каждая из них создавалась учеными для специфических исследовательских задач. В данной

статье утверждается, что для анализа режимов стран постсоветского пространства целесообразно учитывать не только электоральные критерии уровня конкуренции избирательного процесса (традиция Р. Даля) [2], но и роль неформальных практик, выражением чего может быть оценка масштабов развития неопатримониальных отношений в государственном управлении (традиция М. Вебера – Ш. Эйзенштадта) [8; 23].

Исходя из определения политического режима как совокупности формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям [17, р. 73] и формирующих модели осуществления государственного управления, в данной статье предлагается использовать два критерия, которые позволяют оценить конкретную режимную форму. Эти критерии следующие: 1) уровень конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям; 2) степень формальной институционализации государственного администрирования.

Для определения первого критерия используется классический электоральный подход. В предлагаемой шкале эта переменная может иметь два значения: высокий и низкий уровни политической конкуренции. В данном случае имеется в виду формальная конкуренция элит, отражающаяся в публичных электоральных исходах. Предполагается, что полностью монолитной элиты в реальности практически не существует, и неформальная фракционная конкуренция различных элитных сегментов присуща практически любому политическому режиму. Однако уровень публичной конкуренции является значимым маркером, указывающим на плотность патрональных сетей правителя и на степень его властной устойчивости.

Степень институционализации государственного управления можно выразить и оценить через такое эмпирически-наблюдаемое явление как степень «автономии элит». Данное понятие используется согласно теоретическим положениям А. Грзималла-Бюссе и П. Лунг, которые впервые предложили данный критерий в разработанной ими типологии процесса государственного строительства постсоветских стран [11]. Согласно их модели, показатель степени автономии элит тесно связан с уровнем формальной институционализации политического процесса. Когда элитная конкуренция формализована, элиты сталкиваются с комплексом ограничений. Эти ограничения связаны не только с конституционными и правовыми нормами, но и с невозможностью использовать стратегии подавления или кооптации своих конкурентов, поскольку сильные формальные институты исключают политизацию бюрократии, которая также ограничена верховенством права и действует по модели легально-рационального поведения, избегая клиентистских стратегий.

Кроме того, развитая институциональная среда стимулирует формирование идеологических (обладающих идеологическим капиталом) или программных (обладающих идеологическим и административным капиталом) партий [14]. Являясь наиболее выгодным механизмом доступа к властным позициям, такие партии кооптируют элиту и одновременно с этим ограничивают их автономию, поскольку элита становится связанной с партией обязательствами. В свою очередь, партия сильно зависит от электоральных предпочтений и не может себе позволить игнорировать их. Таким образом, программные и идеологические партии становятся посредниками во взаимосвязи элит с обществом. Элиты при этом имеют минимум автономии от социальных групп, поскольку от голосов избирателей зависит способность политиков удерживать свои властные позиции.

Неопатримониальный характер управления создает ситуацию ограниченной, но не максимальной свободы автономии элит. В условиях неопатримониального управления и дефектного функционирования правовых норм главным каналом доступа к властным позициям становятся не программные или идеологические партии, а патрон-клиентистские сети. Конкуренция между политиками, автономными от общества, развивается не за голоса избирателей, а за расположение патрона, в сеть которого элита имеет стимулы кооптироваться для доступа к материальным ресурсам. Следствием этого является развитие клиентистских партий, которые не имеют идеологий, но обладают административным капиталом [12, р. 14]. Именно такие партии в виде проектов инкубентов («партии власти») или олигархические партийные клиентелы, наряду с неформальными институтами в виде патрональных сетей, становятся главными проводниками доступа к властным позициям. Таким образом, в неопатримониальной среде элита избавляется от зависимости общественного контроля, но, будучи встроеной в патрон-клиентистскую сеть, сохраняет неформальную зависимость от своего патрона.

Предельно патримониальная модель управления максимально повышает уровень автономии элит, хотя абсолютная свобода и здесь в реальности имеет ограничения. Однако эти ограничения сводятся к минимуму и исходят либо от деспотичного правителя, использующего крайне персонализированные патримониальные управленческие практики, либо от локальных малых групп, которые выступают клиентелой и с которой связаны лидеры.

Следуя неопатримониальной парадигме, понятие «автономии элит» в данной работе совмещается с тремя возможными идеально-типическими моделями государственного управления. Это позволяет выделить три возможных значения этой переменной.

1) Бюрократическая модель. Характеризуется низкой степенью автономии элит, что подразумевает высокий уровень институционализации управления и доминирование рационально-легальных практик государственного администрирования в идеально-типической трактовке М. Вебера.

2) Неопатримониальная модель. Выражается в средней степени автономии элит и сосуществовании формальных бюрократических институций и неформальных патримониальных практик, основанных на персональных связях и патрон-клиентистских сетях.

3) Патримониальная модель. Означает высокую автономию элит и характеризуется преобладанием в администрировании неформальных, сильно персонифицированных управленческих практик с минимальным влиянием конституционализма и норм права.

Посредством соединения двух базовых переменных (степени конкуренции и автономии элит) определяются шесть возможных режимных типов, представленных в виде таблицы (см. Таблица 1).

Таблица 1.

Типология политических режимов

Конкуренция элит	Степень автономии элит		
	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)
Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия
Низкая	Султаннизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм

В условиях патримониального управления и в зависимости от уровня конкуренции элит режимы делятся на *султанистский* и режим *атомизированного партикуляризма*.

В первом случае отсутствие формальных институций при низкой конкуренции элит приводит к возвышению деспота, властные полномочия которого не ограничены никакими формальными или неформальными рамками. Ситуация высокой конкуренции элит в сочетании с патримониальной институциональной средой приводит к атомизации элит, которые получают максимальную степень автономии, опираясь на свои ресурсы и локальные патрональные сети. Не подчиняясь ни центру, ни конкурирующим элитам, они вступают друг с другом в борьбу по модели «войны всех против всех». Фактически данный режим атомизированного партикуляризма означает ситуацию гражданской войны и временного распада государственности.

Неопатримониальный характер управления в зависимости от степени конкуренции элит приводит к двум возможным режимным типам: *неопатримониальному авторитаризму* или *неопатримониальной полиархии*. При низкой конкуренции элит возникает неопатримониальный авторитаризм, что означает наличие доминирующего актора, опирающегося на патрон-клиентистские сети и монополию на материальные ресурсы.

Возникновение параллельных патрональных сетей, вышедших из-под контроля доминирующего игрока, характеризует режим патримониальной полиархии. Это приводит к более конкурентной электоральной борьбе часто с непредсказуемым электоральным исходом. В отличие от институциональной полиархии в данном случае при высоком уровне конкуренции основными политическими игроками остаются патрональные сети, расколотые по клановым, субэтническим, региональным или олигархическим основаниям. Доминирующими типами партий являются клиентистские. Режим неопатримониальной полиархии максимально соответствует гибридной (переходной) форме, включающей в себя элементы демократии. Однако дефектное функционирование демократических институтов [5] не позволяет причислить эту режимную форму к разряду демократии и более логично рассматривать ее как разновидность авторитаризма.

Наконец, при сильных формальных институтах возможны режимы в виде *институционального авторитаризма* или *институциональной полиархии*. В обоих случаях элита имеет минимальную автономию. Однако в условиях низкого уровня конкуренции отсутствие автономии элит означает не подотчетность их обществу, а подчинение аппарату доминирующей партии. Данный режим соответствует советской системе партийной коммунистической монополии и является стартовой точкой трансформации всех постсоветских государств. Развитие институционализации и легально-рациональной бюрократии при высоком уровне конкуренции элит рождает режим в виде институциональной полиархии, максимально приближенный по набору параметров к модели, которую в рамках электоральных типологий принято обозначать в качестве «электоральной демократии» [10, р. 21-24]. Из всех постсоветских государств на современном этапе данный режим сформировался только в трех государствах Балтии.

Для измерения режимов необходимо выбрать метод операционализации, позволяющий точно фиксировать значения двух переменных: степень конкуренции элит и степень их автономии от формально-институциональных ограничений.

Измерение уровня конкуренции элит. В политической науке достаточно распространенным методом оценки режимных типов является использование индексов ряда исследовательских центров, научных проектов или коммерческих организаций [6]. В частности, при измерении уровня конкуренции режима многие исследователи обращаются к индексам качества электорального процесса, разработанным в рамках проектов *Freedom House*, *Polity IV*, журнала *Economist*, Института Бертельсманна и других. Однако, как правило, данные индексы являются композиционными, то есть интегрирующими в себя оценку не просто переменной «конкуренции элит», но и включающими более широкий спектр факторов электорального процесса. Поэтому для более точной фиксации уровня конкуренции элит в данной работе используется иная стратегия.

Отталкиваясь от положений Т. Ванханена, разработавшего свой знаменитый индекс демократии [22], оценку уровня конкуренции элит целесообразно производить на основе официальных результатов электоральных исходов. Большая доля голосов за оппозиционных кандидатов является маркером, указывающим на значительный уровень элитной конкуренции. Низкие показатели альтернативного голосования позволяют сделать противоположное утверждение. Хотя в авторитарных режимах электоральные предпочтения

избирателей нередко искажаются, сама возможность правящей бюрократии манипулировать электоральными результатами говорит о ее административном могуществе и способности подавить элитные расколы, даже если они наличествуют. Таким образом, официальные результаты избирательного процесса на выходе дают информацию о том, насколько инкубент контролирует альтернативные патрональные сети и способен предотвратить прорыв аутсайдеров в публичное политическое пространство.

Электоральным порогом, определяющим низкий уровень элитной конкуренции, будут считаться победы инкубента с результатом не менее 65% поддержки избирателей. При оценке выборов legislatures это означает, что возможность инкубента обеспечить контроль над 65% мест депутатского корпуса говорит о низкой элитной конкуренции. Этот контроль инкубент может реализовать как посредством доминирующего представительства «партии власти», так и с помощью конгломерата союзнических партий (картеля) и аффилированных с инкубентом кандидатов-одномандатников, избранных по мажоритарным округам.

Это же значение является показателем низкого уровня элитной конкуренции при электоральном исходе президентских выборов. Факт победы кандидата с поддержкой избирателей не менее 65% говорит о низкой элитной конкуренции. Исход президентских выборов, при которых победитель получил менее 65% голосов избирателей, указывает на сохранение высокой конкуренции элит.

Можно принять условие, что определение режимной формы в виде неопатримониального авторитаризма допустимо только в том случае, если инкубент способен добиться электоральной поддержки не ниже 65% как на парламентских, так и на президентских выборах. В случае невозможности удержать данный порог хотя бы в одном из типов выборов указывает на ослабление режимной консолидации и служит основанием причислить режим к типу одной из двух возможных разновидностей полиархии.

Измерение уровня автономии элит. Вторая переменная, указывающая на соотношение формальных и неформальных институтов, ограничивающих автономию элит, может быть измерена на основе данных об уровне коррупции. Если понимать коррупцию максимально широко как «злоупотребление государственной властью ради частной выгоды» [4, с. 50], то ее показатель может служить вполне точной оценкой уровня распространения неопатримониальных отношений в практике государственного управления.

Для оценки этого показателя можно использовать индексы, составляемые известными исследовательскими центрами и финансовыми структурами. Наиболее широко применяемые в различных социальных исследованиях являются данные центра *Transparency International* (TI), ежегодно публикующего рейтинги стран, распределенных согласно разработанному специалистами этого центра «индексу восприятия коррупции» (Corruption Perception Index) [21]. Не менее широко исследователи используют индекс «контроля коррупции», предложенный специалистами в рамках проекта Всемирного Банка (WB) (Control of Corruption Index) [19].

Индекс *WB* представляет собой диапазон измерения в рамках значений от -2,5 до 2,5. Отрицательные значения могут служить показателем большого уровня коррупции, положительные – указывают на более позитивную ситуацию в этой сфере [13]. Индекс *TI* имеет шкалу от 0 до 100, где максимальные значения говорят о минимуме коррупции, а минимальные о ее высоком уровне. Несмотря на то, что индексы коррупции *TI* и *WB* используют разные шкалы измерения, в целом, это не является препятствием для их совместного применения. Однако для этого требуется стандартизация значений двух шкал и определение порога 100-балльной шкалы *TI*, соответствующего значению 0 по шкале *WB*.

Для решения этой задачи произведено распределение значений индексов 174 случаев согласно данным *TI* и *WB* за 2012 г. Соотношение значений двух шкал имеет отклонение от линии эталонного тренда на 5 баллов в сторону уменьшения. Значение 0 по шкале *WB* равняется значению 45 по шкале *TI*. Таким образом, при кодировании случаев и использовании обоих указанных шкал значение 46 индекса *TI* будет считаться порогом, указывающим на позитивную оценку уровня коррупции, и основанием для причисления режима в разряд институциональных. Отрицательные значения индексов по шкале *WB* и значение по шкале *TI*, не превышающее значение 45, указывают на неопатримониальный характер режима.

Оба индекса довольно близки друг с другом с точки зрения оценок случаев. Проведенный корреляционный анализ индексов 178 случаев по данным 2012 г. выявил коэффициент корреляции равный 0,988 (см. Таблицу 2). Схожий вывод сделан в ряде других исследований, анализирующих степень совместности этих индексов [7; 15].

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа индексов *WB* и *TI* по данным 2012 г. (N=178)

	<i>TI</i>	<i>WB</i>
<i>TI</i>	1	
<i>WB</i>	0,988649	1

Если сравнить индексы обеих организаций на примере постсоветских стран бывшего СССР, то можно увидеть, что различия в оценках хотя и существуют, но не являются слишком значительными (см. Таблицу 3).

По данным 2012 г., наблюдается разница в оценках Белоруссии и Молдовы, а также Азербайджана и Украины. Так, например, индекс Молдовы, согласно данным *TI*, выше, чем у Белоруссии, в то время как *WB* оценивает более позитивно Белоруссию, чем Молдову. Подобная разница в показателях наблюдается и в отношении Азербайджана и Украины. Минимальная разница в рангах России, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана обуславливается использованием *TI* менее «чувствительной» шкалы, предусматривающей аналогичные оценки сразу нескольким случаям.

Таблица 3.

Сравнение индексов коррупции постсоветских стран *TI* и *WB*, данные 2012 г. [19; 20]

Страна	<i>Corruption Perception Index (TI)</i>	<i>Control of Corruption Index (WB)</i>	Порядковый ранг среди постсоветских стран (<i>TI</i>)	Порядковый ранг среди постсоветских стран (<i>WB</i>)
Эстония	64	0,98	1	1
Литва	54	0,31	2	2
Грузия	52	0,25	3	3
Латвия	49	0,15	4	4
Молдова	36	-0,60	5	7
Армения	34	-0,53	6	6
Белоруссия	31	-0,52	7	5
Россия	28	-1,01	8	8
Казахстан	28	-0,88	8	7
Азербайджан	27	-1,07	9	10
Украина	26	-1,03	10	9
Кыргызстан	24	-1,09	11	11
Таджикистан	22	-1,18	12	12
Узбекистан	17	-1,23	13	13
Туркменистан	17	-1,34	13	14

На основе представленных выше данных и руководствуясь обозначенными критериями кодирования, можно сказать, что к 2012 г. из всех постсоветских стран только три страны Балтии и Грузия достигли значений, позволяющих их режимы отнести к разряду институциональных. Согласно данным *WB*, индексы всех этих стран находятся в зоне положительных значений, а по индексу *TI* их значения превышают отметку в 45 баллов. Все остальные страны бывшего СССР не достигают указанных порогов и, следовательно, сохраняют неопатримониальный характер политических режимов.

С целью надежности измерения целесообразно опираться на принцип равной ценности обоих индексов. Это означает, что для причисления режима к разряду институционального, равно как и к неопатримониальному, соответствующие индексы не должны противоречить друг другу. При наличии противоречий ориентация идет на тот показатель, который является более низким, исходя из допущения, что наличие сильных формальных институтов является менее реалистичным фактом, требующим признания большинством экспертных служб, а не только отдельными из них.

Кроме этого, полезно руководствоваться еще одним ограничением хронологического порядка. Поскольку формальная институционализация требует времени, к разряду институциональных можно отнести только такие режимы, относительно которых соответствующие индексы наблюдаются не менее чем на протяжении нескольких лет. Данное ограничение позволяет избежать ошибок измерения, которые могут быть вызваны определенными ситуативными факторами, случающимися в процессе общественного развития. Хронологическое ограничение, которое можно предложить для использования, равняется пяти годам. Это произвольный хронологический зазор, но вполне достаточный для подтверждения надежности индексов, а также оценки природы режима с точки зрения стабильности его функционирования. Руководствуясь этим ограничением, 2002 г. можно определить как дату перехода режима в Эстонии от неопатримониальной формы к институциональной, несмотря на то, что впервые положительные значения индекса от *WB* эта страна получила в 1998 г. [19]. В этом же году, согласно индексу *TI*, эта страна достигла значения 57 [21]. Пятилетнее сохранение позитивных индексов обеих организаций уверенно позволяет говорить о переходе этого государства к рационально-бюрократической модели управления и решению проблемы доминирования неформальных институтов.

Отдельного обсуждения требует вопрос измерения в рамках предложенной типологии таких режимных форм, как султанизм и атомизированный партикуляризм. Если рассмотренные индексы вполне релевантны для разграничения режимов на неопатримониальные и институциональные, то грань между чистым патриониализмом и неопатримониальной формой количественной методикой оценить весьма сложно. Поэтому для идентификации этого рода режимов используются качественные показатели.

Под султанизмом понимается такой режим, в котором персональная власть правителя не имеет никаких ограничений [18, р. 7]. В постсоветских политических реалиях одним из значимых ограничителей главы государства являются выборы. Именно электоральные процессы, особенно в ситуации «кризиса наследования»,

могут стать «ахиллесовой пятой» авторитаризма, стимулировать консолидацию контрэлит, оппозиции и стать спусковым крючком к массовой мобилизации. В этой связи формальным основанием причисления режима не просто к неопатримониальной форме, а именно к султанизму может служить правовая норма, закрепляющая пожизненный статус главы государства. Посредством этого правитель фактически освобождает себя от ограничения в виде выборов, что приводит к особой логике функционирования авторитарного режима. В отсутствии необходимости подтверждать свой статус доминирующего игрока правитель минимизирует свою зависимость как от общества, так и от подчиненной ему клиентуры, превращаясь в абсолютно-го деспота, вполне сопоставимого с классическими моделями неограниченной монархии. Таким образом, наличие нормы о пожизненном статусе правителя будет являться основанием причисления режима к султанизму. Отсутствие этой нормы означает, что данный режим не является таковым.

Среди постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа подобная норма была принята только в Туркменистане в 1999 г. в отношении президента С. Ниязова и действовала вплоть до его смерти в 2006 г. [3, с. 468]. Таким образом, режим Туркменистана в период 1999-2006 гг. можно определить как султанистский. С 2007 г. при вступлении в должность нового президента указанная норма потеряла свое значение. Следовательно, с 2007 г. Туркменистан перешел в разряд неопатримониального режима.

Атомизированный партикуляризм также невозможно определить с помощью количественных процедур, но легко фиксируется на основе экспертных данных. Понимая данный режим как максимальный уровень персонализма при высокой элитной конкуренции (что приводит к ослаблению центральной власти и силовому противостоянию между главными политическими игроками), в данной работе фиксируется наличие данного режима при условии открытого военного конфликта в рамках отдельной политики. Другими словами, рамки начала и окончания гражданской войны, либо локального ограничения силового конфликта являются вполне четкими параметрами, позволяющими определить режим в стадии атомизированного партикуляризма и время перехода его в другую фазу.

Режим атомизированного партикуляризма среди рассматриваемых стран фиксируется в трех случаях.

1. Азербайджан пережил этот режим в период противостояния полевых командиров с президентом страны А. Эльчибеем (1992-1993 гг.).

2. Грузия прошла фазу атомизированного партикуляризма в период противостояния полевых командиров с президентом страны З. Гамсахурдия (1992 г.).

3. Таджикистан был ввергнут в гражданскую войну между региональными элитами. Это событие можно оценить в категориях атомизированного партикуляризма.

В качестве примера определения типа режима на основе изложенных концептуальных положений ниже представлена оценка режимной динамики постсоветского Азербайджана.

В Азербайджане в период перестройки коммунистическая элита удержалась у власти, сохранив свои позиции по результатам выборов Верховного Совета 1990 г. Оппозиция смогла получить не более 20% мест [9, р. 113; 16, р. 69]. Первый секретарь республиканской компартии А. Муталибов в том же году был избран президентом депутатами Верховного Совета, а в 1991 г. подтвердил свою легитимность, получив 98,5% поддержки избирателей на безальтернативных президентских выборах. Этот результат позволяет зафиксировать переход режима к 1991 г. от институционального к неопатримониальному авторитаризму.

Военные поражения в противостоянии с Арменией за Нагорный Карабах привели к росту популярности аутсайдеров в виде националистического движения Народный Фронт Азербайджана (НФА) во главе с А. Эльчибеем. В 1992 г. оппозиция неконвенциональным путем сместила правящую элиту. Результатом стало повышение уровня конкуренции элит, что отразилось в результатах досрочных президентских выборов. Хотя лидер НФА А. Эльчибей выиграл их, его результат (59,4%) был ниже планки в 65%. Следовательно, режим в 1992 г. претерпел очередной переход: от неопатримониального авторитаризма к неопатримониальной полиархии.

Рост фрагментации элит в условиях военного противостояния с Арменией в 1993 г. привел к увеличению автономии силовых элит в лице полевых командиров и началу их силового противостояния с центральной властью. Очередное неконвенциональное смещение президента можно оценить как очередную трансформацию режима. На этот раз от неопатримониальной полиархии в фазу атомизированного партикуляризма.

Этот же год для Азербайджана стал временем выхода из кризиса и очередным режимным переходом. Выступивший в качестве компромиссной фигуры Г. Алиев в декабре 1993 г. на президентских выборах получил 98,8% электоральной поддержки, что означало консолидацию элит и формирование режима в виде неопатримониального авторитаризма. С 1994 г. данный режимный тип в Азербайджане остается неизменным до сегодняшнего дня.

Индексы качества управления Азербайджана на протяжении всего постсоветского развития остаются в зоне отрицательных значений [19], в то время как электоральные исходы фиксируют доминирующие победы инкумбентов. На президентских выборах 1997 Г. Алиев получил 77,6% поддержки избирателей. На выборах 2003 г., 2008 г. и 2013 г. его сын И. Алиев также неизменно добивался победы с результатами 80%, 88,7% и 84,5% соответственно [1, с. 881].

На парламентских выборах властвующая элита также сохраняет доминирование с помощью «партии власти» «Новый Азербайджан» и провластных кандидатов, избираемых по мажоритарным округам. С 1995 г. по 2010 г. по результатам четырех парламентских выборов инкумбенты неизменно контролируют не менее 65% депутатских мест [Там же].

Обобщенные данные кодировки режимной динамики постсоветского Азербайджана представлены в таблице ниже (см. Таблица 4).

Таблица 4.

Кодирование режимной динамики постсоветского Азербайджана

Годы	Электоральные события	Поддержка победителя	Индекс коррупции	Режим
1990	Парламентские (Верховный Совет)	80%	Отрицательный	Институциональный авторитаризм
1991	Президентские	98,5%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
1992	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	-	-
1992	Президентские	59,4%	Отрицательный	Неопатримониальная полиархия
1993	Неконвенциональный прорыв аутсайдеров	-	-	Атомизированный партикуляризм
1993	Президентские	98,8%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
1995	Парламентские	Более 65%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
1997	Президентские	77,6%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2000	Парламентские	Более 65%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2003	Президентские	80%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2005	Парламентские	Более 65%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2008	Президентские	88,7%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2010	Парламентские	Более 65%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм
2013	Президентские	84,5%	Отрицательный	Неопатримониальный авторитаризм

Таким образом, к основным выводам настоящего исследования можно отнести следующие положения.

1. Для решения задачи измерения режимной динамики в данной работе представлена типология постсоветских политических режимов. Специфика исследуемых случаев в виде режимов постсоветских государств требует учета не только электоральных режимных параметров, но и анализа области государственного управления, связанного с такой сферой, как качество бюрократического администрирования. Поэтому предложенная классификация основывается на синтезе электорального и неопатримониального подходов, способных оценить качество и тип режима на основе двухмерного измерения.

2. Измерение режимной динамики постсоветских государств предлагается осуществлять на основе двух критериев: 1) уровня конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям и 2) степени формальной институционализации государственного администрирования и политического процесса.

3. Посредством соединения двух базовых переменных (степени конкуренции и автономии элит) определены шесть возможных режимных типов: атомизированный партикуляризм, султанизм, неопатримониальный авторитаризм, неопатримониальная полиархия, институциональный авторитаризм и институциональная полиархия.

4. Отличие предложенной классификации режимных типов от других аналогов связано с учетом неформальных аспектов политики при измерении политических режимов. Разработанная типология позволяет оценить режим с особого ракурса, фиксирующего степень автономии элит и уровня распространения неформальных практик функционирования режимов.

Список литературы

1. **Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс** / сост. А. А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001. 1112 с.
2. **Даль Р. А.** Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
3. **Добронравии Н.** Туркменистан: великое одиночество // СССР после распада / под ред. О. Л. Маргания, Я. Травина. СПб.: Экономическая школа, 2007. С. 455-476.
4. **Лазарев Е. А.** Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива // Полития. 2011. № 1 (60). С. 50-68.

5. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6-17.
6. Миронюк М. Г., Тимофеев И. Н., Ваславский И. Я. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис. 2006. № 5. С. 39-57.
7. Нисневич Ю., Стукал Д. Многоликая коррупция и ее измерение в исследованиях международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 83-90.
8. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М. Аспект-пресс, 1999. 418 с.
9. Darden K., Grzymala-Busse A. M. The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Communist Collapse // World Politics. 2006. Vol. 59. № 1. P. 83-115.
10. Diamond L. Is the Third Wave Over? // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. № 3. P. 20-37.
11. Grzymala-Busse A., Luong P. Reconceptualizing the State: Lessons from Post-Communism // Politics & Society. 2002. Vol. 30. № 4. P. 529-544.
12. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press, 2006. 275 p.
13. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues // The World Bank Development Research Group Macroeconomics and Growth Team. Policy Research Working Paper. 2010. № 5430. 29 p.
14. Kitschelt H., Smyth R. Programmatic Party Cohesion in Emerging Postcommunist Democracies: Russia in Comparative Context // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 10. P. 1228-1256.
15. Melville A., Stukal D., Mironyuk M. Trajectories of Regime Transformation and Types of Stateness in Postcommunist Countries [Электронный ресурс] // Perspectives on European Politics and Society. 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15705854.2013.772749> (дата обращения: 25.02.2014).
16. Montgomery K., Remington T. Regime Transition and the 1990 Soviet Republican Elections // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1994. Vol. 10. № 1. P. 55-79.
17. O'Donnell G., Schmitter Ph. Whitehead L. Transition from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy. Baltimore, 1986.
18. Sultanistic Regimes / ed. by H. E. Chehabi and J. Linz. Baltimore – London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 710 p.
19. The Worldwide Governance Indicators (WGI) [Электронный ресурс]. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 13.04.2013).
20. Transparency International [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org/> (дата обращения: 11.03.2013).
21. Transparency International. The Corruption Perceptions Index (1998) [Электронный ресурс]. URL: http://archive.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/previous_cpi/1998 (дата обращения: 12.02.2013).
22. Vanhanen T. The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States, 1850-1979. (Commentationes scientiarum socialium). Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1984. 168 p.
23. Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

**TYPOLOGY OF POST-SOVIET POLITICAL REGIMES:
SYNTHESIS OF ELECTORAL AND NEO-PATRIMONIAL APPROACHES**

Shkel' Stanislav Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
stas-polit@yandex.ru

In the article the author suggests a typology of political regimes developed on the basis of the synthesis of electoral approach founded in the works by R. Dahl and neo-patrimonial concept originated in the classical propositions by M. Weber and Sh. Eisenstadt. It is ascertained that the measurement of two characteristics such as the level of élites competition and the degree of the influence of informal practices in political process is the most relevant assessment of the regime types of the post-soviet states of the former USSR. This thesis is based on the account taken of the role, which informal institutions still play in the post-soviet countries. Their inclusion in the field of the analysis allows fixing more precisely and in relief the specific regime types of the considered cases. For the suggested criteria of regimes assessment a method of operationalization with the use of the data of electoral statistics and the indices of corruption level is worked out. As a demonstration of the practical use of the developed typology the analysis of the regime dynamics of post-soviet Azerbaijan is presented.

Key words and phrases: political regime; typology; democracy; authoritarian regime; neo-patrimonialism; electoral process; political corruption.